27. СЫНЪ И ПРІЕМЫШЪ.

Марко былъ мужичокъ не то чтобы больно здобный, разбогатѣть ему было не съ–чего, но и не бобыль, а такъ, средней руки; доставало его на поземельный оброкъ, и на мірскія и другія повинности, и недоимка за нимъ не стояла; доставало его на домашніе расходы, на хозяйство — но лишковъ большихъ не оставалось, а сходились исправно концы съ концами. Но Марко былъ мужикъ богобоязненный и добросердечный, почему его крестьяне любили и уважали.

Вотъ разъ какъ–то хозяйка Марки пошла на зарѣ по воду; только было отворила дверь да переступила порогъ, такъ и ахнула: стоитъ передъ порогомъ лукошечко, накрыто оно тряпицей, а подъ тряпицей что–то визжитъ, не то человѣчьимъ голосомъ, не то молодымъ зайчонкомъ.

— Съ нами крестная сила, закричала Устинья, Марко! а Марко! поди–ка сюда —

да выдь–же, говорю, скорѣе? Ахъ Господи Боже мой! тутъ гляди–ка что....

Марко вышелъ, посмотрѣлъ — ну, чтожъ, говоритъ — Богъ далъ прибыль; стало быть люди насъ добрыми людьми почитаютъ, коли принесли его подъ нашъ порогъ; чтожъ — не оставимъ, сколько силъ нашихъ хватитъ, вспоимъ, вскормимъ и добру научимъ, сколько сами знаемъ. Намъ далъ Богъ одного только, и тому всего два годишка — такъ вотъ и другой будетъ; и это нашъ, все равно.

Говоря это, Марко приподнялъ уже ветошку и увидалъ, что подъ нею лежалъ, на соломкѣ да на такой же ветошкѣ, новорожденный младенецъ, голенькій, какъ мать родила, и безъ креста на шеѣ.

— Ну, продолжалъ Марко, да это же еще и Богданъ, — какъ называютъ мужскихъ младенцевъ до крещенія; — будетъ–ли живъ, нѣтъ–ли — Господь знаетъ, а некрещеному умереть не дадимъ. Такъ вотъ–что, Устинья, берись–ка за дѣло, этого мы не разумѣемъ — неси его въ избу, перекрестивши, да напой его изъ рожочка,

что–ли — а я пойду заявить сотскому, да къ попу схожу.

Дня черезъ три пріѣхалъ становой, спрашивалъ сосѣдей и другихъ людей, не видалъ, не слыхалъ–ли кто, не знаетъ–ли чей это младенецъ? Никто не зналъ; думали даже, не изъ другой–ли деревни, кто его принесъ — а тутъ никого не было такого на примѣтѣ. Словомъ, покончили слѣдствіе, отца–матери младенцу не нашлось. Марко съ Устиньей объявили, что берутъ пріемыша, коли Богъ послалъ, и тѣмъ берутъ пріемыша, коли Богъ послалъ, и тѣмъ дѣло кончилось. При крещеніи, назвали пріемыша или подкидыша Иваномъ, приписали его въ посемейныхъ спискахъ къ семьѣ Марки, и росъ онъ вмѣстѣ съ Андреемъ, роднымъ сыномъ Марки, все равно какъ и родной сынъ.

Прошло ни много, ни мало времени, а ровно двадцать лѣтъ. Состарѣлся маленько Марко, сталъ у него наростать горбокъ; и Устинья не помолодѣла; сынъ Андрей выросъ молодцомъ, прямой и рослый парень, и сталъ отецъ ужъ подумывать,

какъ бы его женить. Иванушка также выросъ, но не вышелъ ни ростомъ, ни дородствомъ: мозглявенькій, а притомъ коротышъ такой, что не больше бороноволока. Однако, въ работѣ у Марки стало по спорѣе; четыре руки прибыло, а малый почти тоже съѣстъ, что и великій.

Но вотъ въ чемъ дѣло: объявленъ рекрутскій наборъ; царю солдаты нужны, чтобъ оберегали царство и мирныхъ обывателей его — и на сходкѣ въ приказѣ, а гдѣ міръ, и старшины расчитывали очереди. Маркино семейство попало на очередь, въ коренные.

— Какъ–такъ, сказалъ Марко, который и во снѣ этого не видалъ — какъ–такъ? Вѣдь, чай, я одинъ, да ужъ и немолодъ, и сынъ у меня одинъ–же, — а Ванюха вѣдь чужой; неужтожъ очередь будетъ за двойниками?

Маркѣ показали учетный рекрутскій списокъ и растолковали дѣло: тебѣ, говорятъ, еще далеко до 60–ти годовъ, стало быть ты, по рекрутскому счету работникъ; сыну твоему 22 года — стало быть онъ и работникъ, и въ ставку идетъ; а

пріемышъ — все одно, что сынъ, онъ приписанъ къ твоему семейству и стоитъ подъ однимъ номеромъ; ему 20 лѣтъ; вотъ вы и выходите тройники, а сложность годовъ вашихъ 42, такъ ваше мѣсто по учетному списку въ первыхъ тройникахъ, промежду Семена Парамонова и Григорья Мухина.

Поглядѣлъ Марко, еще потолковалъ со старшинами и съ писаремъ — видитъ что все ладно тутъ, ни въ чемъ обиды нѣтъ, да только онъ не считалъ и не считаетъ себя въ тройникахъ; должно быть, говоритъ, мы двойники; я да сынъ, а Иванушка чужой. Подожду управляющаго, подумалъ онъ, что тотъ скажетъ.

Пріѣхалъ и управляющій, усчитывать очереди на мѣстѣ — и Марко къ нему. Я, батюшка, не съ просьбою ни на кого къ тебѣ, сказалъ онъ, а спроситься правды: какъ-же это насъ на очередь поставили, а дѣло наше вотъ такъ и такъ.

Управляющій выслушалъ его, пересмотрѣлъ списокъ и сказалъ, что тутъ вся правда и безъ того наружу;

родственники и пріемыши, принятые въ домъ, зачисляются подъ однимъ номеромъ и семья Марки считается тройниковымъ.

— Какъ–же быть, батюшка, сказалъ Марко, пріемышъ–то мой, Иванъ, коротокъ, онъ подъ мѣру не подойдетъ, хоть не води; стало быть сыну моему придется итти?

— Если пріемыша не примутъ, какъ младшаго, сказалъ управляющій, такъ хоть–бы мнѣ довелось съ тобою поплакать, старикъ, а пособить не могу; не дано мнѣ воли и власти на это: пойдетъ сынъ. Марко покачалъ головою и почесалъ затылокъ.

— Да неужтожъ я на то принялъ его, сказалъ онъ, чтобъ за него сына въ солдаты поставить?

— А неужтожъ ты, Марко, сдѣлавъ угодное Богу и людямъ дѣло, станешь теперь объ этомъ жалѣть?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Марко, подумавъ немного, жалѣть не стану, избави Богъ, грѣшно.... Нѣтъ, коли такъ, то пусть будетъ, что Богу угодно.... служитъ Царю и не одинъ сынъ мой.... власть Господня!

Сказавъ это, Марко пошелъ домой, угомонилъ жену и велѣлъ сыну готовиться безъ большаго плачу. — Этимъ, сказалъ онъ, воли Божьей не уймешь. Смотри–жъ, Иванушка, прибавилъ онъ, когда сдалъ сына на руки отдатчикамъ, смотри, будь ты у меня теперь сыномъ роднымъ и за себя, и за него!